

ТРИ РАЗСКАЗА.

«Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», — А. П. Чехов. «Русская Мысль» — июль, август.
(Продолжение *).

История «Человека в футляре» Бѣликова, рассказанная Буркинымъ, подняла въ душѣ Ивана Ивановича всю горечь, которую накопила въ ней жизнь, нынѣшняя футлярная жизнь средняго русскаго человѣка. Бѣликовъ совершенно невольно сыгралъ роль одного изъ тѣхъ, сплошь и рядомъ маленькихъ, незамѣтныхъ толчковъ, которые какъ-то вдругъ, сразу будятъ мысль, загнипсированную обычнымъ монотоннымъ и скучнымъ течениемъ жизни, и разбуженная, обезпеченная мысль эта, какъ бы останавливая на мгновение привычную по инерции движущуюся жизнь вашего духа, какъ молніей освѣщаетъ все то, что обыкновенно скользитъ только по поверхности сознания, цѣликомъ занятаго мелкими, но навязчивыми дѣлами и вопросами обыденнаго сѣренькаго существованія.

— «Видѣть и слышать, какъ лгутъ» — говорилъ Иванъ Ивановичъ — и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь; свосить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаясь, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна, — нѣтъ, больше жить тамъ невозможно!»

Рой мыслей, поднятый въ головѣ Ивана Ивановича рассказомъ Буркина, долго не давалъ ему покоя; передъ нимъ вставали «факты и явленія» нѣсколько иного рода; одинъ за другимъ они нахлынули въ его возбужденномъ сознании, требовали обобщенія и оцѣнки. Тяжелыя такіа минуты «проектанія», но и хороши: онъ хотя на нѣсколько моментовъ дѣлаютъ человека человекомъ; пройдутъ онѣ, быстро пройдутъ, и «практика жизни» снова захватитъ его въ свои цѣпкія лапы и плотно задвинетъ въ футляръ.

Бѣликовъ, разъ навсегда испуганный дѣйствительностью и старавшійся всѣмъ мѣрами оградить себя отъ нея, замкнувшись въ твердую броню, наводилъ страхъ и на окружающихъ, и ихъ заставлялъ вѣчно прятаться въ скорлупу, бояться малѣйшаго проявленія свободной мысли, желанія, хотя и не запрещеннаго циркуляромъ, но и не одобреннаго прямо; своимъ классическимъ «такъ-то оно такъ, да какъ бы чего не вышло» онъ заранѣе

приготавливалъ могилу всякой инициативѣ, даже если претензіи ея не простирались дальше крошечнаго измѣненія и нарушенія установившихся формъ обыденной жизни. Самъ по себѣ полное ничтожество, Бѣликовъ былъ страшно силенъ, ибо онъ олицетворялъ собою несокрушимую силу того, что называютъ надъ-органической средой, атмосферой общества. Эта среда, эта атмосфера создается, конечно, всей массой человѣческой дѣятельности, но по отношенію къ каждой отдѣльной личности она представляетъ нѣчто стихійное, подавляющее, нѣчто такое, противъ чего борьба отдѣльнаго субъекта слишкомъ нецѣлесообразна, что не по силамъ даже исключительнымъ людямъ. Время, которое налагаетъ въ лицѣ Бѣликова на окружающихъ его эта среда — очень тяжелое время, и тамъ, гдѣ не угадали еще общественные инстинкты, гдѣ еще узкій эгоизмъ не окончательно поглотилъ все, — тамъ чувствуется этотъ футляръ жизни, эта стѣсняющая и мѣшающая оболочка и вызываетъ протестъ, хотя сознание бессилия въ борьбѣ съ безличнымъ, но твердымъ и грознымъ врагомъ дѣлаетъ всѣ такіа протесты чисто-платоническими. Большинство предпочитаетъ преклониться молча, хотя и съ застенной болью въ душѣ; нѣкоторые протестуютъ открыто, волнуются, кричатъ, но результаты остаются тѣ же: съ Бѣликовыми соглашаются, ихъ слушаютъ и ихъ боятся.

Такъ бываетъ, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда процессъ приспособленія къ жизни, къ средѣ не окончательно поглотилъ еще противоположное стремленіе личности, стремленіе приспособлять среду. Разъ исчезло это условіе, на сцену выступаютъ другіе футляры жизни, футляры благополучнаго существованія. Съ тѣмъ, — что это за штука, знакомить насъ другой рассказъ Чехова «Крыжовникъ».

Рассказъ этотъ, повидимому, въ высшей степени незатѣливый, простой по фабулѣ, передаетъ тотъ же Иванъ Ивановичъ, онъ же даетъ и выводы, свидѣтельствующіе о цѣли и смыслѣ этого слишкомъ неоригинальнаго на видъ повѣствованія. Герой «Крыжовника» — родной братъ Ивана Ивановича Николай Ивановичъ Чимша-Гималайскій. Еще юношей онъ попалъ въ казенную палату и просидѣлъ тамъ за писаніемъ всякихъ канцелярскихъ бумагъ до тѣхъ поръ, пока на плечахъ у него оказалось чептире съ хвостикомъ десятка лѣтъ. Единственной и самой заветной мечтой его въ теченіе всего этого дале-

ко не короткаго времени было купить гдѣ-нибудь небольшую усадьбу и жить въ ней бариномъ: «Бѣтъ свои собственные ши, спать на солнышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами на лавочкѣ и глядѣть на поле и лѣсъ». Мечта о своей усадьбѣ вплотную завладѣла Николаемъ Ивановичемъ: въ газетахъ онъ читалъ только одни объявленія о продажѣ имѣній. И присовались у него въ головѣ дорожки въ саду, цвѣты, фрукты, скворешни, караси въ прудахъ... и непремѣнно крыжовникъ. — «Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства», говорилъ онъ. — Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ, пахнутъ такъ хорошо... и крыжовникъ растетъ».

Купить усадьбу сдѣлалось единственной цѣлью жизни. Николай Ивановичъ не допивалъ, не доѣдалъ, отбывался, какъ нищій, чтобы «откапывать» и сберегать. Въ сорокъ лѣтъ женился на вдовѣ, старой, некрасивой, женился «безъ всякаго чувства, а только потому, что у нея водились деньги». Жена поглотила, поглотила и скоро умерла. Наконецъ, мечта осуществилась. — Николай Ивановичъ купилъ небольшое имѣніе, «написалъ двадцать кустовъ крыжовника, посадилъ и зажилъ помѣщикомъ».

Герой былъ вполне счастливъ. Началось безмятежное благополучное существованіе изо дня въ день. Николай Ивановичъ «кушалъ много, въ банѣ мылся, поливалъ, судился съ обществомъ и заводами», окружающимъ его имѣніе, «и очень обижался, когда мужики въ названіи его «ваше высокоблагородіе». Рядомъ съ вѣнскимъ, такъ сказать, благополучіемъ явилось и внутреннее. «Николай Ивановичъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ одинъ только истину, и такимъ тономъ, точно министр». «Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія, вообще, вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнны». Словомъ, новый помѣщикъ былъ счастливъ, доволенъ, убогаторенъ и не желалъ ничего большаго; ему нравилось все, всѣмъ онъ наслаждался, даже кислый и жесткій крыжовникъ вызывалъ у него слезы умиленія и восторгъ. Вотъ все содержаніе рассказа. Герой его самый ординарный человѣкъ, какими на Руси хотъ прудъ пруди. И не въ этой фабулѣ, конечно, заключается весь интересъ «Крыжовника». Авторъ вложилъ его въ уста Ивана Ивановича вѣдѣть, чтобы тѣмъ же устами вы-

* См. № 106 «Дон. Речи».

сказать и свое отношение к этому футляру благополучного существования. Посмотрим же, что говорит Иванъ Ивановичъ о томъ „идеальномъ“ счастье, къ которому стремился и котораго, путемъ долгихъ лишений, достигъ его братъ.

Иванъ Ивановичъ никогда не пошмалъ, а, стало быть, и не сочувствовалъ идеѣ, поглотившей брата.

— „Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли,—разсуждаетъ онъ.—Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человеку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція тяготеетъ къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но вѣдь эти усадьбы тѣ же три аршина земли... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа“.

Естественно послѣ этого, какимъ жалкимъ, какимъ печальнымъ показалось Ивану Ивановичу все благополучие и довольство брата, когда онъ побывалъ у него въ „моврено“.

— „Вуюху къ брату,—разсказываетъ Иванъ Ивановичъ,—онъ сидитъ въ постели, колѣни покрыты одѣяломъ; постарѣлъ, расплывѣлъ, обрюзгъ, щеки, носъ и губы тянутся впередъ,—того и гляди, хрюкнетъ въ одѣяло“.

Это довольно, это счастье навредило страхъ и ужасъ на Ивана Ивановича. „Я видѣлъ—говоритъ онъ—счастливаго человека, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своей судьбой, самимъ собой. Къ такимъ мыслямъ о человеческомъ счастье всегда почему-то примѣшивалось что-то грустное, теперь же, при видѣ счастливаго человека, мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію...“

Я воображалъ: какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ, во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ—ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмущился... Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоеданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувству-

етъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ“. Я подчеркнул въ этой тирадѣ нѣкоторыя выраженія, чтобы обратить на нихъ особенное вниманіе читателя. Не Иванъ Ивановичъ только дѣлится здѣсь съ нами своими впечатлѣніями и взглядами на жизнь, это говоритъ самъ авторъ, самъ г. Чеховъ,—это та красная нить, которая проходитъ черезъ все произведеніе послѣднихъ лѣтъ его творчества. Но покаместъ не будемъ останавливаться и докончимъ изложеніе настроеній рассказчика.

— „Свобода есть благо, говорилъ я,—продолжаетъ Иванъ Ивановичъ,—безъ нея нелзя, какъ безъ воздуха, во надо подождать. Но во имя чего ждать?... Но имя какихъ соображеній? Мы говоримъ, что не все сразу: всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время... Гдѣ доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность (закономѣрность?) явленій, но есть ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человекъ, стою надо рвомъ и жду, когда онъ зарастетъ самъ, или затянется его яломъ, въ то время, какъ, быть можетъ, могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ?“.

„Гдѣ доказательства?“—спрашиваетъ Иванъ Ивановичъ. Вездѣ и всюду эти доказательства, доказательства въ самомъ Иванѣ Ивановичѣ, въ его разсказѣ, во всѣхъ его наблюденіяхъ. И самъ онъ это прекрасно понимаетъ и сознаетъ, что метафорой не отдѣлаться отъ желѣзныхъ законовъ жизни, и говоритъ онъ такъ не потому, что нѣтъ „законности“, „порядка“, „естественнаго хода вещей“, а потому, что онъ—живой, мыслящій человекъ, жаждетъ какими-то тисками, футляромъ жизни, этимъ самымъ „естественнымъ ходомъ вещей“, и его протестующій духъ никакъ не можетъ помириться съ тяжелымъ гнетомъ, сковавшимъ его умъ и волю. Но вѣдь братъ-то его, Николай Ивановичъ, вѣдь счастливъ же онъ, доволенъ и не ропщетъ на „естественный ходъ вещей“, который его породилъ, поддерживаетъ и который самъ отчасти держится имъ. Все дѣло въ томъ, что Иванъ Ивановичъ хочетъ приспособиться, а Николай Ивановичъ приспособился.

— „Я уѣхалъ отъ брата рано утромъ,—заканчиваетъ свой разсказъ Иванъ Ивановичъ,—и съ тѣхъ поръ для меня стало невыносимо бывать въ го-

родѣ. Меня угнетаютъ тишина и спокойствіе, я боюсь смотрѣть на окна, такъ какъ для меня теперь нѣтъ болѣе тяжелаго зрѣлища, какъ счастливое семейство, сидящее вокругъ стола и пьющее чай“...

Вотъ къ чему привели Ивана Ивановича поѣздка къ брату и созерцаніи того счастья и блаженства, которымъ наслаждался Николай Ивановичъ. Но Иванъ Ивановичъ не можетъ, однако, произнести смертнаго приговора надъ смысломъ жизни; онъ только не вѣрится въ счастье, отвергаетъ его и ставитъ надъ всемъ нѣчто высшее,—„правственный законъ“.

— Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастье, а въ чемъ то болѣе разумномъ и великомъ. Есть жизнь, есть правственный законъ, вышій для насъ законъ... Дѣлайте добро!—говоритъ онъ.

Николай Ивановичъ, сидящій въ самыхъ тѣсныхъ и узкихъ футлярахъ, какіе только можетъ создавать жизнь, въ футлярахъ маленькаго личнаго благополучія, не чувствуетъ ихъ гнета, онъ счастливъ въ своемъ замкнутомъ жалкомъ нравственномъ міркѣ. Но то, что они называютъ счастьемъ, совсѣмъ не счастье. Это вѣрно.

Однако, значить ли это, что „счастья нѣтъ и не должно его быть?“

„Есть жизнь, есть правственный законъ“,—говоритъ Иванъ Ивановичъ. Но вѣдь Бѣзиковъ, развѣ это не жизнь? Николай Ивановичъ—не жизнь? И вѣдь „такой порядокъ, очевидно, нуженъ“. И въ чемъ же выражается этотъ вышій „правственный законъ? Гдѣ критерій „добра? Не въ счастья ли человечества? Иванъ Ивановичъ не послѣдователенъ. Факты жизни терзаютъ его мозгъ и сердце; онъ ищетъ отвѣта на роковые вопросы, но, не будучи въ состояніи окончательнаго встѣдъ за настоящими пессимистами по всѣмъ пунктамъ осудить ее, находитъ выходъ въ „правственномъ законѣ“ и добрѣ“, не вкладывая, однако, въ эти понятія никакого опредѣленнаго содержанія. За эти муки ему можно простить непослѣдовательность въ выводѣ. Разсказъ же его отъ этой непослѣдовательности нисколько не теряетъ своего глубокаго значенія.

Оставимъ, впрочемъ, пока Ивана Ивановича. Намъ нужно еще познакомиться съ третьимъ разсказомъ г. Чехова, чтобы потомъ окинуть однимъ общимъ взглядомъ всѣ эти три, тѣсно связанные между собою послѣдніе его произведенія.

А — законъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).